Печатаемые нами воспоминания участников и свидетелей затопления Черноморского флота в 1918 г. — командиров РККФ тов. Б. М. Подвысоцкого и С. В. Панфилова — рассказывают живую и образную картину этого исторического эпизода. Они ценны как запись непосредственных впечатлений, как простой, безыскусственный рассказ о потрясающих своими драматизмом моментах гибели эскадры на новороссийском рейде.

Статья специалиста по истории Красного флота т. А. С. Пухова освещает общее политическое значение и характеризует основные исторические предпосылки гибели черноморских боевых кораблей

ЧЕРНОМОРСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Б. М. ПОДВЫСОЦКИЙ

Бывш. пом. команд. эск. миноносца „Керчь"

В последних числах апреля 1918 года наш фронт, сдерживавший наступление немецких войск генерала Коша, был прорван, и путь на Севастополь для захвата кораблей Черноморского флота оказался свободным. В этот роковый для флота момент на некоторых кораблях, преимущественно на линейной бригаде, выявились настроения на прекращение Черноморского флота в Украине, что несомненно было результатом работы находящихся на кораблях агентов Центральной рады.

В течение ближайших нескольких дней корабли флота расположились на два враждебных лагеря—бригаду линейных кораблей, поднимающую украинские флаги, и минную бригаду, стоящую под русскими флагами.

Под гул уже слышной в Севастополе канонады прибиравшихся немецких войск на базе минной бригады было организовано делегатское собрание, на котором было решено, что корабли бригады, ввиду невозможности дальнейшей стоянки в Севастополе, должны уйти в последний, оставшийся еще в наших руках порт—Новороссийск. На этом же собрании был выбран и командующий уходящими кораблями—всеми уважаемый и популярный в среде команды бывш. капитан II ранга Лебедев, а также назначено время ухода кораблей — полночь того же дня. Кроме кораблей минной бригады в Новороссийск должны были итти еще несколько транспортов с необходимыми для кораблей припасами, так как, Новороссийск, будучи чисто коммерческим портом, не мог ничем снабдить корабли военного флота.

Присутствование на собрании представителя линейных кораблей пытались вызвать разлад в среде представителей минной бригады, отчего все собрание протекало весьма бурно. Когда упомянутое выше решение было наконец вынесено, представители линейных кораблей заявили, что если минная бригада попытается выйти из гавани, то по ней будет открыт огонь. Заявление это было встречено с негодованием и не только не поколебало личный состав минной бригады, но наоборот—укрепило его в принятом решении.

Весь остаток дня в минной бригаде шла лихорадочная работа по приготовлению к походу и около полуночи ее корабли один за другим в полном затемнении стали сниматься с якорей и отправляться к выходу из гавани. На всех кораблях пробили боевую тревогу и минные аппараты были наведены на стоянке в Северной бухте линейные корабли.

Боевое ли настроение личного состава уходящих кораблей или растерянность в противоположном лагере, а вернее и то и другое вместе взятое, дали возможность минной бригаде благополучно выйти в море.

В обращенном порядке шли корабли двумя кильватерными колоннами, охраняя от возможного нападения германских подводок колонну транспортов, шедшую в середине. Утром получено было радио от бригады линейных кораблей, в котором сообщалось, что линкоры выходят из Севастополя под огнем немецкой артиллерии и просят выслать навстречу миноносцы для охраны. Просьба была удовлетворена и два миноносца повернули навстречу линкорам.

1 мая корабли пришли в Новороссийск—в последний порт, так как все остальные было уже потеряно. С запада вплоть до Крыма все побережье было занято германскими войсками, со стороны Батума двигались турецкие полки.

Для всего личного состава эскадры было очевидно, что гибель флота предрешена, что в Новороссийске, не приспособленном для стоянки военных кораблей, долго не продержаться. Тем не менее настроение массы личного состава были настроены отнюдь не подавленно. Наоборот, перед лицом неизбежной гибели чувствовалась жажда порыва и твердой власти. Этого нельзя было сказать про офицерство. Хотя в его среде внешне не поддерживалась известная бодрость духа, что в интимных беседах все больше чувствовалась растерянность. Безвыходность положения порождала все чаще и чаще мрачные вопросы: Что делать? Куда итти?

К счастью этот глубокий пессимизм захватил не поголовно всю офицерскую среду. С момента ухода из Севастополя из среды офицеров выделилась группа, отдавшая себе полный отчет в том, что флот уйти в Новороссийск потому, что не успел уничтожить себя в Севастополе и что ему предстоит покончить с собой в Новороссийске. Группу эту, возглавляемую командиром миноносца «Керчь» бывш. капитаном II ранга Кукелем, составляли б. лейтенант Панфилов, б. мичман Денин, б. мичман Аннеенский, б. лейтенант Алексеев и я.

10 июня стало известно, что германское командование предъявило ультиматум немецкое командование Севастополь к 19 июня для интернирования до окончания войны. Ничего, конечно, не мог повернуть, что Германия когда-нибудь вернет нам корабли. В случае же неисполнения ультиматума немецкое командование угрожало наступлением и захватом кораблей силой. Надвигались мрачные, смутные дни, дни агонии флота. В делегатском собрании, происходившем на линкоре «Воля», командующий Тихменев и комиссар флота Глебов-Авилов ознакомили делегатов с текстами телеграмм, полученных от Совнаркома. Сущность этих телеграмм заключалась в следующем: стремясь избежать германского наступления, Совнарком в открытой радиограмме предписывал кораблям выполнить германский ультиматум и возвратиться в Севастополь. Все не исполнившие этого приказания объявлялись вне закона. Одновременно другое шифрованное радио предписывало уничтожить корабли. Это же подтверждал и представитель Центрального правительства Захраеков, специально прилетевший в Новороссийск. Для всякого честного моряка смысл телеграмм был ясен, но ввиду ответственности приказания для колеблющихся послужила предлогом для принятия решения о возвращении кораблей в Севастополь.

В течение нескольких дней на «Воле» шли делегатские собрания, на которых решалась судьба флота. Командующий Тихменев, уклонясь от принятия твердого решения в момент, когда это решение было крайне необходимо, стремился увеличить уже наметившийся раскол в массах.

Появился знаменитый и безответственнейший лозунг «Ограждать до последнего снаряда», который, повелевающий ничего не делать до последнего момента. На одном из делегатских собраний неожиданно появился представитель Кубано-Черноморской республики, который уверяет, что на фронте дела обстоят блестяще и что флот должен оставаться в Новороссийске, чтобы своим присутствием в тылу армии обеспечить и поддержать ее бодрость духа, что если флот будет утоплен, то армия поворчит свои пушки против моряков. Это заявление возымело несомненное действие на пиграмически настроенные элементы и в массе начинает приобретать популярность мнение за уход кораблей в Севастополь.

16 июня на последнем делегатском собрании командующий флотом Тихменев предложил проголосовать судьбу флота в том смысле: уходить в Севастополь или топить корабли. Несмотря на то, что большинство делегатов высказалось за то, чтобы запоплаться до последнего снаряда, командующий отдал приказ приготовиться к походу к 9 часам утра 17 июня. В ответ на это командир миноносца «Керчь» Кукель заявил, что он и некоторая часть офицеров, стоящая за потопление кораблей, отказываются выполнить этот приказ, так как считают это изменой.

Вернувшись на миноносец, Кукель собрал общее собрание команды и изложил о решении командующего, заявил, что берется потопить оставшиеся в Новороссийске корабли, и свою речь заключил следующими словами: «Я приглашаю вас исполнить может быть ваш последний долг перед Черноморским флотом, который так же ясно покончит свое существование 19 июня». В ответ на этот призыв председатель судового комитета Кулешов заявил от имени команды, что ни один человек не покинет корабля и каждый выполнит свой долг. Этот боевой дух, поддержанный дальнейшей работой судового комитета, команда сохранила до конца. С утра 17 июня вышли из гавани для перехода в Севастополь: л/к «Воля» и миноносцы «Дерзкий», «Беспощадный», «Бесстрашный», «Громкий», «Живой» и «Жаркий».

Когда корабли стали на якорь на внешнем рейде, на «Керчи» взвился сигнал: «Будьте, идущие в Севастополь: позор изменникам России». Сигнал этот на «Воле» был принят, на него было отвечено: «Ясно вижу».

В течение 17 июня на совещании сторонников потопления был разработан план уничтожения оставшихся судов. Кроме «Керчи» и миноносца «Лейтенант Шестаков», на всех прочих кораблях, стоявших в гавани, в течение всего дня продолжалась эвакуация команды на берег. К утру 18 июня корабли были мертвенно пусты.

Наступило утро 18 июня. Около 5 часов утра на «Керчь» явился б. Ф. Раскольников, присланный правительством для обеспечения потопления кораблей. Его неутомимой энергии мы обязаны тем, что линкор «Свободная Россия» был выведен из гавани к месту потопления, так как ему удалось быстро приготовить для этой цели один из транспортов, стоявших в гавани. Начиная с 5 часов утра, миноносцы «Керчь» и «Лейтенант Шестаков» выводили один за другим корабли в указанных им предназначенных для потопления местах. В 4 часа дня вывод кораблей был закончен. Тогда с «Керчи» была пущена мина в миноносец «Фидонисси», что послужило сигналом к общему потоплению кораблей. Затем миноносец «Керчь» направился к Дооб-скому маяку, где был поставлен для потопления линкор «Свободная Россия». Затопление линкора было произведено четырьмя минными взрывами, из которых последний вызвал детонацию артиллерийских погребов. Этот последний взрыв стоит в моих глазах незабываемой картиной. Гигантский клуб огня и дыма окутал корабль. Через час летит бесчисленное множество осколков и все сотрясается в ужасающем грохоте. Когда все стихло, я вижу нашу команду, мрачно стоящую на палубе «Керчи». Головы обнажены, многие плачут. Картина разрушения потрясающая. Изуродованный линкор медленно переворачивается. Все кончено. Миноносец «Керчь» дает ход и идет в Туапсе. Вечером в тот же день с «Керчи» дается радио «Всем... всем... всем... Погибли, уничтожены корабли Черноморского флота, предпочитавшие гибель позорной сдаче Германии, и эскадренный миноносец «Керчь». И в 4 часа 30 мин. утра 19 июня, после своза на берег команды, наш корабль был затоплен командиром Кукелем, т. Кулешом, Базинским, Белоус и мною в 1½ милях от маяка Коцоп.

Через сутки мы расстались. Многие из жизни сейчас из небывалой команды «Керчи», многих ли пощадила гражданская война, фронты которой всосали всех этих людей, но теплое и благодарное чувство к этим простым и честным бойцам навсегда останется в моей памяти.

5-я картина

РЕПЕТИЦИОННЫЙ МОМЕНТ

6-я картина

ГИБЕЛЬ ФЛОТА

А. С. ПУХОВ

16 июня 1918 года в Новороссийской бухте произошло событие огромной политической значимости —волевое решение партии, по прямым указаниям Ленина и Сталина, была затоплена руками наиболее революционных моряков большая половина боевого ядра Черноморского флота.

Этот глубокий по своему социальному смыслу и жутких драматический эпизод первых месяцев великой Октябрьской революции и развертывающейся ожесточенной гражданской войны выходит далеко за пределы чисто-местного значения и является крупнейшим историческим фактом, отражающим в себе, как в фокусе, целый этап великой стачки пролетариата и трудящихся масс Советской России в труднейшие моменты ее жизни с внутренней и международной контрреволюцией, борьбы партии против «левых коммунистов», как агентуры классового врага в ее рядах, против великорусского шовинизма и местного национализма.

Международное положение Советской России к началу 1918 года (первая половина февраля) характеризовалось **переходом от перемирия**, когда мы в несколько недель свергнув буржуазию, победили ее открытое сопротивление в гражданской войне и отразили победный триумфальный шествием большевизма из конца в конец громадной страны» *). После победоносного разгрома контрреволюционных гнезд Центральной Рады на Украине, калединщины на Дону, дутовщины на Урале и т. д. Советской России пришлось встретиться с вооруженным с ног до головы германско-австрийским империализмом, когда последний открыто встал на путь удушения пролетарской революции в России, на путь прямой интервенции, когда «международная буржуазия, сначала германская, потом англо-французская (неоднократно и обе вместе) пошла войной на победившей в России пролетариат» *).

Поводом к этому послужила авантюристическая, предательская политика Троцкого и «левых коммунистов» в период мирных переговоров с немцами в Бресте, политика, выразившаяся в формуле «ни мира, ни войны», в фактическом срыве брестских переговоров, несмотря на категорические указания Ленина и Сталина (подписать мир).

18 февраля 1918 года немецко-австрийский империализм двинул свою полчища на Советскую Россию с Украины и в короткий срок занял огромную территорию с миллионным населением.

В последних числах апреля решение войсок ген. Коша уже подходили к Севастополю, встречая сопротивление красногвардейских отрядов и отрядов революционных моряков-черноморцев на территории Крыма.

Черноморский флот переживал в этот момент напряженный этап классовой борьбы среди личного состава. В отличие от **моряков-балтийцев**, крепко связанных себя с большевистской партией и являвшихся ее опорой в Октябрьской революции, моряки-черноморцы еще в значительной части шли за эсерами и меньшевиками. Это различие объясняется прежде всего тем, что Черноморский флот комплектовался главным образом из зажиточной части украинского крестьянства и был в своем составе менее пролетарский, чем Балтийский флот. Отсюда понятна будет та популярность среди известной, меньшей сознательной части моряков-черноморцев идеи «украинизации» флота и отдельных кораблей, которой умело пользовались контрреволюционные шовинистические элементы и офицерство.

Большевистская организация Севастополя и Черноморского флота, руководимая т. Гаевым и т. Островской (приезжавшей на ЦК партии), сумела развернуть огромную разъяснительную массовую работу среди моряков, сколотить небольшой, но крепкий партийный костяк непосредственно на кораблях, отвоевать у эсеров и меньшевиков на своей сторону значительную часть моряков и усилить свое влияние в местном Совете и Центрофлоте.

Мы, у большевистских настроенных моряков, с одной стороны, в эсеро-меньшевистскими и шовинистическими элементами — с другой, в течение марта и апреля шла ожесточенная борьба за свое влияние на массы.

Наиболее революционно настроенными частями флота являлись миноносцы. Среди моряков минной бригады преобладало влияние большевистской партии.

На линкорах и крейсерах хотя в существовали партийные организации и за ними шла часть моряков, но еще в подавляющем большинстве масса в лучшем случае занимала колеблющуюся позицию в отношении большевиков, среди нее были сильны шовинистические элементы (л/к «Воля», кр. Память Меркурия».

21 апреля на заседании Центрофлота обсуждается предложение украинского комиссара «наш» Сотника о признании протектората Украины над Севастополем и поднятии украинского флага на кораблях флота. Под сильным давлением революционной части моряков (особенно с миноносцев) принимается большинством голосов резолюция, говорящая сама за себя: «Революционный Черноморский флот был авангардом революции, им и будет и знамя революции никогда не спустит, ибо это знамя утвержено, и моряки его не продадут».

В связи с угрозой захвата Севастополя немецкими войсками по весь рост встает вопрос: «Как быть с флотом? Эвакуировать его или нет?» Директива Совнаркома говорила ясно: «Флот эвакуировать в Новороссийск». На созванных 25 апреля митингах массы моряков в большинстве высказались за то, чтобы флот эвакуировать в Новороссийск.

Офицерство, в большинстве своем реакционно настроенное и в душе питающее ненависть к советской власти, возглавляемое адмиралом Саблиным, яростно сопротивлялось эвакуации, но в конце концов под давлением масс вынуждено было вести в Новороссийск эскадру боевых кораблей Черноморского флота. Эта часть офицерства, что подтвердилось впоследствии, умело используя эсеро-меньшевистские и шовинистические элементы, пытались, и небезуспешно, передать флот в руки японцев, пытались бороться против революционных организаций моряков. (Окончание на 4 стр.)

*) Ленин, т. XXII, стр. 318, 375, 391.

*) Ленин, т. XXIV, стр. 118.